

Виталий БАБЕНКО

ФЕНОМЕН ВСАДНИКОВ

Фантастический рассказ

Совершенно секретно
№ ХСА(86)I—IV

ПРИЛОЖЕНИЕ К ОТЧЕТУ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
«ФЕНОМЕНА ВСАДНИКОВ»

ТИП ДОКУМЕНТА: магнитофильм.

НАИМЕНОВАНИЕ: устные свидетельства очевидцев, записанные на пленку в период с 14 по 18 августа 19.. года.

ОСОБЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ: информация, относящаяся к явлению, получившему название «феномен всадников», представляет со-

бой материал государственной важности и разрешена к изучению только лицам первой категории благонадежности. Ввиду необъяснимости явления, потенциальной возможности его рецидива в самые непредвиденные сроки и в самых непредвиденных местах, а также ввиду его высокой опасности для населения и перспективной применимости для нужд обороны страны, считать все связанное с ним тайной номер один.

Барри Сеттерфилд, двадцати пяти лет, мастер-сержант, командир взвода тяжелого оружия

Значит, как все это происходило? А через пень-колоду! Никогда такой чертовщины не видел. То есть, я хочу сказать, никогда еще нас так не били. И вообще, до сих пор вспоминаю — мороз по коже. Хотя, с другой стороны, кто вам еще расскажет, как не я. Из наших мало кто остался в живых. Я да еще Рокки, и то случайно. Как мы не рехнулись — по сей день не соображу. Впрочем, ладно, по порядку так по порядку.

Получил я приказ оцепить Сырую горку. Это, знаете, как выедешь из Майлдфогза на север — справа такой холмик. Конечно, откуда эти «чучела» появятся — никто не знал. Известно было только, что они невесть откуда взялись, что скачут они — дай бог нашим «джипам» так мчаться и что из своих рогатин они стреляют без промаха. И все. Как стреляют, куда в них целить — черт его знает, ни один из наших медноголовых, штабистов то есть, об этом понятия не имел. А туда же — держать оборону! Это мы потом разобрались, что стрелять-то вовсе ни к чему. Ну, то есть все равно, что по облакам садить. Да и в тыл могли зайти — тогда бы мы вовек ни одного выстрела не сделали. Короче, приказ есть приказ. Шепнул я ребятам, чтобы окопались, залегли и дышали в две сопелки да начеку были. Сам с Рокки в наблюдательном окопчике засел.

Торчим там, ждем. Час ждем, два. Нервы, понятно, взвинчены. Последнее это дело — не знать, ни с кем воюешь, ни как воевать надо. Только и надеемся что на наши железки. Вдруг по «уоки-токи» кричат: видели их с вертолета около Оберона. Разделились, мол, они (вы-то знаете: их всего — плюнь и разотри! — восемь штук было), и трое в нашу сторону скачут.

Передал я по цепочке, чтобы приготовились, и замер. Гляжу во все гляделки. И надо же, как не повезло! Прямо на нас они вышли — все трое. Это вам небось кажется: вроде бы трое — ерунда, коли мы ничего не знали. Мы тоже так подумали в первый момент. Сейчас-то я полагаю, нам и одного хватило бы.

Значит, смотрю я — пыль на дороге столбом: во весь опор несутся. Смешно сказать, я их толком и не рассмотрел. Так... здоровенные, в бурой одежде с какими-то черными полосами, и коняги у них что надо — черные, огромные, что твой шкаф. Несутся и палки свои выставили. По-моему, они нас еще за милю почуяли. Нюх у них дьявольский, так дело выходит. Вроде бы иной шпак в двух шагах мимо нас пройдет — не заметит, а эти заранее знали и где мы, и сколько нас.

Ну, как ярдов на двести приблизились, я команду дал. Вот тут-то чертовщина и началась! Сперва «эм-шестнадцатые» за-работали. А чего вы удивляетесь? Вы на мое место встаньте. Не из минометов же по этим «чучелам» начинать. Я сам пой-мал в прицел одного — и даю очередь. Наповал, кажется, должно быть. Ни черта! Скачет себе, очень даже серьезно, и ничегошеньки ему не делается. Наши все палят как сумасшед-шие. Вы представьте: два боевых взвода — мой и приданный — работают по трем мишеням! Ведь ключья должны лететь. Так нет же! Только коней придержали, а потом и вовсе остано-вились. Ярдах в ста. Смотрю, кто-то очередь трассирующими дал. Точно в грудь ложатся, а результат — ноль. Нет, не бро-ня... Это уж верняк. Если бы броня — пули отскакивали бы, их видно было бы. А здесь — как будто в туман палишь. Ухо-дит в него очередь, словно в вату, а ему вроде бы любопыт-но даже: стоит спокойненько и нашу позицию разглядывает.

У меня волосы дыбом встали. «Уоки-токи» орет, «старики» интересуются, что у нас происходит, а как я им объясню? Ата-ка без нападения и оборона без результатов? Ладно. Страх до костей пробирает, но я виду не подаю, ору команду. Парни прореагировали: слева «чертово фоно» заиграло. Ну, крупнока-либерный пулемет иначе. Опять та же свистопляска: бессмыс-ленная пальба по призракам. Только безапаузу расхо-дуем.

Ну вот... Стало быть, когда «фоно» по ним чесать стало, им, видимо, надоело. Приложили «палки» к плечам — и, я вам доложу, начался сущий ад. Голубая вспышка — нашего нет. Вспышка — попадание. Как они это делают — ума не прило-жу. Человек будто взрывается. Мгновенно. Ни крика, ничего. Раз — и розовое облачко. Скорее красное. Мелкие-мелкие брызги такие, словно аэрозоль. А ветер разгонит — пусто. Хоть бы ключья обмундирования оставались или там приклады. Так нет... Облачко вместо человека — и следов никаких.

Ясно, думаю, крышка нам всем у этой самой Сырой горки. Но хоть гранаты-то могут их взять? Противотанковые? Куда там! Наводишь базуку, пуляешь, чушка вонзается в грудь этой тва-ри, или не вонзается, а долетает до груди и... исчезает. Ни раз-рыва, ни дырки.

А они так методично, без особой спешки — хлоп! хлоп! — мои ребята в брызги превращаются. Отшвырнул я рацию, сам дрожу, хочется зарыться в землю ярда на три или пулю в лоб пустить. Прощай, мама, шепчу, прощай, Пинни, — распылят ме-ня сейчас на кровавые брызги, в душу их, этих тварей, до гробовой доски! Кричу ребятам, чтобы драпали куда глаза гля-дят, да при этом «красноногих» — артиллеристов значит — ма-терю на чем свет стоит — почему нас не прикрывают? Те слов-но услышали: снаряды прямо перед копытами рваться стали. По нас тоже могли лупануть: расстояние-то маленькое, но мы об этом не подумали — обрадовались здорово. Решили, вы-крутимся. Если по правде, теперь-то я вижу: тут и «фокстрот» не помог бы — это, по-нашему, ядерная бомба в двести кило-тонн, но тогда мы воспрянули. От ужаса волосы под каской шевелятся, а все равно ликуем.

И тут, парни, мы с Рокки такое увидели — до могилы в

кошмарах снится будет. Разрывы сплошной стеной от нас всадников скрыли, и вдруг... сначала один проламывается сквозь эту стену, потом второй и третий за ним. Словно не 155-миллиметровые рвутся, а фонтаны воды поднимаются, и этой нечисти одно удовольствие сквозь них проезжать. Да..

И опять наши рваться стали, как живая шрапнель — справа, слева, справа, слева. Мы ждем, когда же наша очередь придет? Думаю, сейчас Рокки брызнет, потом я. Или сперва я, а затем Рокки. Бежать? Бежать смысла не было. Во-первых, куда, а во-вторых, зачем? Все равно на бегу снимут, а то и догонят и вообще жуть что произойдет.

Как получилось, что мы с Рокки в живых остались — понятия не имею. То ли прицелился один из них плохо — да нет, не может такого быть, всех-то остальных они без промаха расчесали, — то ли какой-нибудь валун или куст за фигуру человека приняли. Короче, мне в глаза голубым плеснуло, взорвалась перед нами земля, мелкая такая пыль вверх взметнулась, горячая очень, но не раскаленная, правда. И нас засыпало...

Очнулся я уже в госпитале: всадники черт те куда унеслись, на поиски новых «объектов», наверное, а нас подоспевшие саперы откопали.

Бред? Конечно. Точнее, похоже на бред. А на самом деле все так и было. Естественно, нам сначала не верили. Ведь до поры до времени только слухи ходили, что после встреч со всадниками люди исчезают: хочешь верь, хочешь нет. Штабные крысы все расспрашивали, куда взвод делся да почему всадников пропустили. Впрочем, только поначалу они нас вопросами мучили. Да и чего с этих ублюдков взять, если они из своих крысиных нор ни черта не видели: «бой»-то наш дерьмовый минут пять всего и длился. А потом, когда в других местах то же самое случилось, поверили...

Нет, нет, все чистая правда. И про «фоно», и про снаряды. А вы думаете, с каких пор я седой стал?

Дуглас Стори, тридцати девяти лет, художник

Я вам про себя рассказывать не буду: для вас это не суть важно, вы другого от меня ждете, хотя профформы ради и задаете дурацкие вопросы: где жил? где учился? какие взгляды? Кому все это надо? Мне, по крайней мере, болтать лишнее ни к чему...

Вам нужно знать, что я видел? Вот это и расскажу.

Все началось утром четвертого августа. Я в это время бродил по лесу к северу от Оберона. Люблю, знаете ли, на безлюдье выбраться, и лучше всего, когда это утром, с зари. Так что хоть раз в полгода, а запираю студию — и в лес. Я потому Оберон и люблю, что места здесь отличные. Живу я по большей части в Дулуте, и студия моя там, в Обероне же у меня хижина. Ну, почти хижина. Я ее «бунгало» зову.

То утро я не просто помню — я вижу его. Закроешь глаза — и в голове будто киноэкран вспыхивает: все четкое, цветное. Или нет, словно я вспоминаю картину, которую сам написал: каждый штрих, каждый мазок, каждый валер вижу.

Итак, сошел я с тропинки и стал пробираться в чащу — мечтал спугнуть какого-нибудь зверя и посмотреть, как он будет

удирать. Без особых приключений я прошел мили полторы-две. Папоротники кончились, лиственный лес, преимущественно осиновый, перешел в сосновый бор, а вскоре деревья и вовсе начали редеть, указывая, что близка окраина леса. Внезапно впереди, на открытом пространстве, что-то бесшумно сверкнуло. Вспышка была неяркая, но очень интенсивная: лес вокруг меня словно пронизало голубым сиянием. Не скажу, чтобы меня это сильно напугало: вспышка вспышкой, но утро было таким тихим и безмятежным, что тревоге, а тем более страху просто неоткуда было взяться. Только когда ветер подул в мою сторону и донес незнакомый запах — резкий, приторный, дурманящий, — мне стало не по себе. Тем не менее я прошел вперед и остановился за последними деревьями, осторожно выглядывая из-за стволов.

Зрелище, которое открылось моим глазам, поразило своей полнейшей, чудовищной нереальностью. На месте вспышки в воздухе прорисовывалась, я бы даже сказал, «проявлялась», как изображение на фотопластинке, некая конструкция.

Сначала полупрозрачная, она с каждой секундой становилась все более материальной, осязаемой, что ли, и наконец «проявилась» полностью. Я не верил своим глазам: на лугу возвышалось сооружение, весьма напоминающее орудийный снаряд, только неизмеримо увеличенный в размерах — диаметр ярдов десять да высота с шестиэтажный дом. От колоссального снаряда его отличало лишь одно обстоятельство: сооружение было сделано не из металла, а из... грубо обтесанного дерева. Да, да, дерева! Если бы не бронзовые — или типа бронзы — заклепки, густо усыпавшие поверхность, оно походило бы на произведение рехнувшегося бондаря, создавшего гигантскую бочку для рекламы местного пива, только бочку такую, что одно днище у нее было нормальное, а второго не было вовсе: его заменяла конусовидная верхушка. Заклепки же вводили на мысль о другом, столь же идиотском сходстве — с макетом космического корабля, сработанным средневековым ремесленником.

Сверкнула еще одна вспышка, слабее первой, на меня пахнуло все тем же дурманом, и один из «клиньев» сумасшедшей бочки откинулся в сторону. Из внутренностей выдвинулся длинный помост, скорее пандус, чем помост, а спустя несколько минут по нему съехали... всадники. Да, в какой-то степени мне есть чем гордиться: я первый увидел ИХ.

Высокого роста, статные всадники держались на своих внушительных конягах — похожих на першеронов, но только с поразительно длинными мордами — необыкновенно прямо, словно на выезде. Одевание их состояло из буро-серой, кажется, кожаной накидки, рыжих свободных штанов — либо из очень плотной материи (так казалось на расстоянии), либо опять-таки из кожи — из блестящих черных полос непонятного материала. Если не ошибаюсь, полос было семь. Одна охватывала шею и плечи, другая шла поперек груди, третья опоясывала таз, еще по две было на каждой ноге — выше колена и ниже. Более мелкие детали — какие-то регалии на груди и странноватые блестящие на спине — я едва различал, зато длинные, по локоть, перчатки и тяжелые высокие башмаки бро-

сались в глаза, но из чего они сделаны — я затруднился бы определить. Если и они были сшиты из кожи, то скорее всего из очень грубой, практически необработанной. Голову каждого венчал похожий на блин убор — вроде розетки из перьев диковинной птицы.

Я до сих пор удивляюсь, почему всадники не обратили на меня внимания. Конечно, работала интуиция, инстинктивная реакция на чуждое и непонятное — я прятался за деревьями и показываться из-за них не намеревался. Кроме того, ветер дул в мою сторону. Но если учесть их дьявольский нюх, поистине сатанинскую чувствительность и наблюдательность, это все равно остается странным и необъяснимым.

Не знаю, сколько времени я наблюдал за всадниками — может, пять минут, может, двадцать пять, — не до часов было. Эти — уж не знаю, как их и назвать-то, если не «охотниками», — ну, скажем, существа — съехали с пандуса на землю и остановились, переговариваясь. Вы знаете, конечно, что их «речь» с большой натяжкой можно определить словом «переговаривались», по крайней мере, в общепринятом смысле. Я прекрасно разбирал звуки, которыми обменивались всадники — ничего более странного до этого мне слышать не доводилось. Мелодичные, протяжные ноты перемежались с каким-то механическим клацаньем. Как если бы кто-то пробовал клавикурд, а рядом неумело отстукивали на пишущей машинке.

«Посоветовавшись» немного таким образом, всадники умолкли и стали внимательно осматривать местность. Я вжался в ствол дерева и старался не дышать. Не знаю, как это передать, но облик их мне сразу показался угрожающим, хотя внешне это ничем не выражалось. Можно лишь предположить, что на нервы действовало их поразительное, уверенное спокойствие. Ни малейшим жестом не выдавали они настороженности, движения казались едва ли не ленивыми, создавалось впечатление, что предстояла им беззаботная прогулка — и только.

Понятно: рано или поздно наездники должны были заметить меня. Сейчас-то мы знаем — и все последовавшие трагические события только подтверждают это, — что именно люди и были предметом их поисков, их «гомицида», как стали совсем недавно называть «охоту». Только до меня они не добрались: на открытое пространство из леса вышла женщина. Возможно, это была молоденькая девушка — я не разглядел.

Олушка шла полукругом. Я находился на одном конце дуги, женщина показалась на противоположном, ярдах в трехстах. Всадники располагались гораздо ближе ко мне, но зато женщина не подозревала об их присутствии! Вернее, заметила «бочку» слишком поздно. Она замерла как вкопанная и, разинув рот, как я смею предположить, уставилась на фантастическое зрелище, не подозревая, что жить ей осталось считанные секунды.

Один из всадников взял в руки какую-то длинную, тускло поблескивавшую бронзой, раздвоенную с одного конца штуковину — такое оружие было приторочено к седлу каждого, — приложил двурогий упор к плечу, прицелился и...

Вам, разумеется, в сотый раз придется слушать рассказ об «эффекте выстрела», но, заметьте, я был первым, если не един-

ственным, кто видел начальный момент «охоты», наблюдал его из сравнительно безопасного места и с довольно близкого расстояния. «Эффект» настолько жуток, что я и теперь с содроганием вспоминаю те секунды, хотя за последующие дни не смотрелся немало!

«Ружье» — именно ружье, не что иное, как ружье, — вспыхнуло голубым сиянием от острия до развилки, затем свечение молниеносно пробежало по всей длине ствола, ослепительной точкой сорвалось с острия, тут же растаяло в воздухе, а женщина... женщина взорвалась! Только так! Не повергнута на землю, не прострелена навывлет, не сожжена — взорвана! Как будто внутри ее находился огромный силы заряд, и он сдетонировал — ничто другое не могло бы произвести подобный эффект. Тело женщины всплеснулось розово-красным облачком, ветер мгновенно разметал его, и... все. Ни грохота, ни крика, тишина. Немое кино... Всадники перебросились несколькими щелчками, довольно рассмеялись, как мне показалось, пришпорили коней. Кавалькада понеслась к противоположному краю опушки, откуда вышла несчастная женщина, а я, не помня себя от ужаса и безумия, помраченный дикостью и бессмысленностью происходящего, ринулся, ломая подлесок, назад. Что было дальше — уже не столь важно: бред, горячка, бегство от всадников, которые добрались-таки до Оберона, эвакуация в Фарго, а оттуда — в Дулут.

Но знаете, о чем я думаю в последнее время? Ведь все уже кончилось. Свидетелей осталось мало. Полным-полно слухов, но и они рассеются. Одним словом, очень скоро эта история забудется. Учтем здесь и засекреченность документов, и правительственное вето на радио- и телепередачи, публикацию рассказов, воспоминаний, гипотез... Ладно, соображения обороны государства, неведение потенциального противника, стыд за собственное бессилие, предупреждение гипертрофированных разнотолков — понятно... А как же люди? Просто люди? Ни в чем не повинные, не ведающие об опасности, беспомощные даже во всеоружии современной техники. Живущие на севере, юге, западе или востоке. Люди-то ничего не знают, и гарантии, что во время следующего пришествия всадников — если оно будет — мы все останемся живы, не существует. Или высшие соображения и простая человеческая надежда на будущее, вера в него — не одно и то же? Так можно дожидаться, что на земле только высшие соображения и останутся, а люди над полянками розовыми облаками поплывут. Представляете? Над пустой планетой — нежные фламинговые облака...

Зачем я все это говорю? Просто хочу вас предупредить. Всякие вето и государственные тайны меня не очень волнуют. Я напишу картину. Может быть, даже несколько. Мне только нужно время, чтобы прийти в себя, а уж картина будет. Обязательно. Пусть последнее, что я смогу создать, но зато — лучшее. Я это чувствую, такой возможности я не упущу. И знаете, что там будет изображено? Там будет город, небольшой городок, пустые улицы, голубое сияние поверх крыш и клубы розового тумана над мостовой, отдаленно напоминающие расплывчатые силуэты людей. Многих людей. А сквозь туман прорисовывается фигура всадника. Он медленно наезжает на вас, весь

орошенный красноватыми брызгами, правая рука — небрежно — на тускло поблескивающей рогатине, а в глазах — отрешенность и безмятежное спокойствие.

Это будет называться «Голубое и розовое». Или нет. Не так. Лучше — «Мир и Покой»...

Пейтем Бринч, сорока пяти лет, методистский священник

Истинно сказано: «не может укрыться город, стоящий на верху горы!» И не укрылся город, никто в этом городе не укрылся. Все мы сейчас на верху горы, маленькие, голые, жалкие, а отовсюду скачут на нас всадники. Кара это, кара божья, а не всадники! Исчезли они и опять придут, и никто уже тогда не уцелеет. О, как прозорлив был Иоанн Богослов, как далеко и как страшно смотрел он! Но не конь блед явился нам, а конь черен и мрачен, и не с пиками всадники проскакали по земле, а с испепеляющими молниями.

Видел я, все видел: и как мчались они в дьявольском голубом сиянии, и как в сатанинский красный дым обращались люди, и как не брала тех ни пуля ружейная, ни бомба.

И ужаснулся я: веру теряла паства моя. В чудовищном безверии уходила в небытие. Кричал им я: «Верьте, братья! В последний миг свой верьте — в этом сила наша! И да поможет нам бог!» А в ответ слышал кощунственное: «В кого верить-то, отец Пейт? В господа? А может, нет его уже? Может, и он — пафф! — и розовое облачко. А?» И страдал я, но страдал молча, ибо не мог ничего сказать на это, ибо розовой пылью рассыпался человек, и розовой пылью рассыпалась вера остальных. Не о том ли говорил Учитель: «Если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве что выбросить ее вон...»

Но не посмел я выбросить ее, помнил и другие слова Сына Человеческого: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». И поступил я так: собрал немногих живых и вошел с ними в реку. Целый день, от зари до зари, брели мы по Шайенну, а выходить боялись. Верно говорится: в одну реку нельзя войти дважды, однако не поэтому мы берегов опасались, а потому, что в воде следов нет. Хоть и дьявольский нюх был у исчадий ада, но бессилен он оказался: нет на реке запаха.

Обрадовались мы, когда увидели, что нет за нами погони, сильно обрадовались, возликовали, и раньше времени ликование это нас обуяло. Были осторожные, умоляли всех и ночью по пояс в воде идти, но нет: возгордились люди, возомнили, что обманули воинов Антихриста, вышли на берег и спали на земле, и даже одежду на кострах сушили. А наутро проснулись, дальше двинулись, и — горе нам! — над рекой вервие висит, на нем черные лоскуты подвешены. Дурно пахли те лоскуты и играли на солнце отнюдь не горним светом.

Испугался я, и люди испугались. Бросились на берег, в сторону, в лес — и там дурной запах, и там черные лоскуты висят. Назад побежали, не одолели и мили — опять то же самое: черные пятна впереди. Страшные, страшные, дурные лоскуты: не то что прикоснуться — приблизиться грех!

Думали мы, гадали, совещались — только время потеряли:

догнали-таки нас дьявольские отродья. Или они нас еще ночью догнали, а лишь утром появились? Не ведаю. Выросли они поза лоскутьями, как из-под земли, и ну палить в нас молниями своими.

Один за другим люди на моих глазах туманом красным по земле расстилались. А я стоял и бежать не мог: все молил господа, чтобы поскорее он мне смерть даровал, дабы не видеть кошмарного зрелища. И вдруг всадники стрелять перестали. О чудо! Прислушались они вроде бы, переглянулись друг с другом — их всего-то четверо было — и внезапно вскачь пустились. Назад, от нас прочь. Не постигаю я, что могло с ними случиться. Уехали они, и меня в дрожь бросило. Опустился на землю, осматриваюсь: один я в живых остался или еще кто есть? И вижу: бредет ко мне Макс Херрингтон, библиотекарь оберонский. «Отец, — шепчет он, — отец Пейт, знаешь, что это за черные тряпки были?» Мотаю головой, догадываюсь уже, но сказать не могу, горло перехватило. «Это же флажки, — выдавливает из себя Херрингтон, — флажки, как на волков! Только не наши, красные, а черные...»

И тут я пожалел, что на свет родился. Лучше бы и не жить мне, чем свидетелем такого позора рода человеческого до конца дней оставаться.

Эзра Виссен, пятидесяти шести лет, профессор Чикагского университета, физик-космогонист, доктор философии, постоянный член Комиссии по контактам с внеземными цивилизациями

Ну что же, господа, я полагаю, мои личные впечатления — не самое главное на настоящем этапе. Хотя я видел всадников три раза, однако никаких выводов из визуальных наблюдений сделать не в состоянии. Дистанция была очень большой, и я вынужден был пользоваться морским биноклем и стереотрубой, любезно предоставленными мне командиром роты морских пехотинцев и старшим офицером штаба одного из артиллерийских подразделений.

Чтобы у вас по этому поводу больше не возникало никаких вопросов, скажу сразу, что все случаи имели место 11 августа, то есть ровно через неделю после появления упомянутых объектов и всего за день до их загадочного исчезновения. Если вас интересует точная география моего, так сказать, одностороннего и неявного контакта, то пожалуйста: к юго-западу от Девилс-Лейк, куда я прибыл на вертолете из Чикаго 10 августа, примерно в 4—5 милях от городской черты. Приблизительное время: 10, 14 и 17 часов. Во всех случаях имело место передвижение всадников группами по два-три объекта в направлении северо-северо-запад.

Поскольку меня пригласили для того, чтобы я изложил выводы и гипотезы Комиссии по контактам, специальное внеочередное заседание которой состоялось 13 августа, то я позволю себе остановиться на четырех аспектах «феномена всадников». Я имею в виду проблему возникновения «феномена» — сюда включается и вопрос о локализации места их постоянного обитания, — далее, проблему неуязвимости объектов, цель «пришествия» и, наконец, возможные причины их внезапного исчезновения.

Как вы прекрасно знаете, информация, касающаяся «феномена всадников», чрезвычайно скудна, те факты, которыми мы располагаем, не поддаются строгому научному анализу, поэтому вы ошибетесь, если будете ждать от моего сообщения глубоких и аргументированных выводов. Вся работа Комиссии сводится — до получения новых данных — к сбору всевозможных гипотез и тщательному изучению их.

Итак, проблема первая. Откуда взялись всадники и как они явились?

На этот счет имеются в основном две точки зрения. Часть исследователей придерживается мнения, что мы столкнулись с инопланетной цивилизацией, открывшей или получившей со стороны знание сверхбыстрого, если не мгновенного, преодоления межпланетных, межзвездных или межгалактических расстояний. Способы осуществления подобного рода «прыжков» могут быть различными, но и они делятся на две группы: пространственно-временной переход — выход в гиперпространство или использование — что то же — подпространства, я прошу прощения за научно-фантастическую терминологию, — и чисто временной переход. Последнее — уже из области даже не научной, а сугубо сказочной фантастики, но отбрасывать содержащееся в этой гипотезе разумное зерно мы не можем. Смысл здесь следующий: если мы допустим существование пра- или постцивилизации на нашей планете, а также возможность путешествий во времени, то все препятствия для появления у нас «гостей» из прошлого или будущего Земли будут сняты.

Вторая точка зрения — это объяснение «феномена всадников» с помощью гипотезы о существовании параллельных миров. Наличие «двойников» у нашего мира недоказуемо, но вполне предположительно. Говоря простым языком, всадники — это пришельцы из другого измерения.

У обеих теорий — и это общая позиция — есть огромный минус. Судя по облику, одежде, способу передвижения, используемым материалам, а также поведению всадников, они не могут являться представителями высоко развитой цивилизации. Все члены Комиссии относят их к уровню, соответствующему нашему раннему средневековью. Совершенно естественно, что разум на столь низкой стадии развития никоим образом не способен одолевать пространство или время, если... если это не результат знания, дарованного какими-то иными, технически развитыми существами.

Еще одна «неуязвка»: точное попадание объекта в заданный конечный пункт переноса, иначе «точность прицела». Например, «бочка» могла зависнуть высоко над Землей и камнем рухнуть вниз или же «проявиться» в недрах Земли и остаться там «вмороженной» в породу навеки, однако не произошло ни того, ни другого: она возникла точно НА поверхности. Этот факт вызвал жаркие споры среди членов Комиссии, но к единому мнению мы так и не пришли.

Следующий вопрос: почему всадники оказались неуязвимыми для земного оружия? Более того, почему ни одно средство защиты не «сработало»? Что касается ловушек, западной, ловчих ям и прочих примитивных систем пассивного нападения,

примененных — по иронии судьбы — когда более совершенные способы оказались бессильными, то есть в последние дни «пришествия» (назовем это так), то здесь все более или менее ясно. Единственное предположение, выдвинутое Комиссией, сводится к гипотетическому сверхчутью всадников. Действительно, тот факт, что ни один из них ни разу не попал в тщательно замаскированные ловушки, в большом количестве вырытые в зоне «пришествия», можно объяснить только сенсорными факторами. Гораздо более сложным и — с точки зрения науки — интересным представляется анализ индифферентности объектов к современному боевому оружию. Наличие брони, естественно, исключается. Во-первых, очевидцы, уцелевшие после близких «контактов» с всадниками, в один голос утверждают, что одежда их состояла исключительно из кожаных и текстильных материалов, пусть необычная одежда, но все же — повторяю — из кожи и текстиля. Мало того. Любой, даже сверхпрочный панцирь обеспечил бы надежную защиту от пуля, но никак не от снарядов, огнеметов и авиабомб, а использованы были все эти виды оружия. В порядке эксперимента, конечно, неплохо было бы испробовать атомную или химическую атаку, но, к счастью для населения, до этого дело не дошло. Не исключено, что и такие виды воздействия оказались бы малоэффективными, зато жителям и природе был бы нанесен непоправимый ущерб. Итак, проблема остается: почему всадники оказались неуязвимыми для огнестрельного, фугасного и термитного оружия? Здесь опять-таки существуют две точки зрения.

Первая: парапсихологическая теория. Возможно, всадники — то ли по природе, то ли используя неизвестную нам и непонятную им самим (только так!) технику — обладают телепатическими свойствами, а именно — телекинезом. Иначе говоря, они способны мгновенно перемещать в пространстве, удалять от себя любой потенциально опасный объект, будь то пуля, снаряд или осколок. Куда они удаляют его, и удаляют ли — остается, естественно, невыясненным.

Вторая теория — так сказать, темпоральная. Если допустить, что всадники явились к нам из другого времени, о чем я говорил ранее, то почему бы не предположить, что между ними и окружающей их чуждой средой располагается некий тончайший «слой», оболочка, если хотите, «иного времени», служащая непреодолимым препятствием для любого материального объекта нашего мира? Можно выразиться и по-другому: не защищал ли всадников определенный временной барьер? Если это так, то становится ясным, почему любые способы силового воздействия на них оказались неэффективными.

Здесь, прежде чем перейти к следующей проблеме, я хочу отметить вот что: ни одна теория — взятая отдельно от других — не дает целостной картины «пришествия». Другими словами, ни одна из них, даже если принять, что все они реалистичны, не может быть истинной. Истина лежит либо на стыке всех гипотез, либо вообще недоступна нашему воображению. На самом деле. Возьмем хотя бы темпоральную теорию. Она хорошо объясняет появление всадников и их неуязвимость, но зато полностью исключает возможность дыхания, питания и в

какой-то степени активной деятельности всадников в нашем мире. Если они убивают людей мощным энергетическим импульсом, то, следовательно, временной барьер анизотропен, что вообще не влезает ни в какие рамки. Если же он двусторонне непроницаем и стреляют они, скажем, какими-нибудь «сгустками времени», подобными субстанции «барьера», то как и чем они питаются и дышат?

Аналогичная ситуация и с парапсихологической, и с любой другой теорией: каждая дает ответы только на часть вопросов, единого же объяснения всему происшедшему мы пока дать не в силах.

Перейдем теперь к цели Пришествия. Здесь мы вторгаемся уже в сферу психологии, точнее, в сферу ксенопсихологии.

Самый простой и, пожалуй, самый порочный путь — это перенос на психику всадников наших земных мерок, но ничего, кроме этого, мы предложить не можем. Некоторые члены Комиссии считают, что на землю явились завоеватели, истребляющие коренных жителей доступных им миров в целях расширения собственной территории или в поисках некоего «Эльдорадо».

Кстати, а почему «истребляющие»? Это уже вопрос, который задает вторая группа членов Комиссии. После контакта с всадниками люди исчезают, это верно, но... пока еще никто не доказал, что здесь имеет место убийство, а не что-нибудь, вроде «переселения», иначе — «захвата» земель пришельцами, в результате которого остается видимый след «переноса» — розовый туман.

Наконец, есть и такое мнение: «охотники» — это на самом деле... «спортсмены», так сказать. А почему бы и нет? Разве в основе их «деятельности» не мог лежать чисто охотничий азарт? Разве не могли они посчитать людей... дичью, да, да, дичью, истреблять которую (здесь мы снова возвращаемся к версии об убийстве) увлекательно и существование которой — даже при всей схожести истребляющих и истребляемых — праздно и бессмысленно? Бессмысленно, конечно же, с точки зрения ограниченных в развитии «охотников». И разве мы, люди, не истребляем похожим образом массу животных, в том числе и гипотетически разумных — дельфинов, например, — с той лишь разницей, что мы привыкли употреблять их плоть в пищу, или набивать чучела для разного рода коллекций, или ценить выше всякой меры какие-нибудь мелочи: клыки, бивни, перья, чешую... а «охотники», возможно, питаются совершенно иным способом и в коллекциях и поделках не нуждаются?

Так-то вот, уважаемые господа. Нелегко расставаться с мыслью, что человек — венец и царь природы, не правда ли? И все же этой сказочке, пожалуй, приходит конец. Теперь нам придется жить с оглядкой, придется посматривать, не блеснет ли где голубая вспышка. А блеснет — и научимся бегать быстрее гепардов, зарываться в землю искуснее кротов, уходить в глубь морей сноровистее кашалотов. Это мстят нам индейцы и мстят бизоны. Мстят зулусы и гуанчи, и мстит безобиднейшая Стеллерова корова. Косвенно мстят, конечно, но ответ за них мы держали на днях п р я м о й.

Впрочем, я отвлекся. Последний аспект «феномена всадни-

ков», на котором я хотел остановиться, — это возможные причины их исчезновения. Как ни странно, но загадка сия не имеет ни одного, даже квазинаучного объяснения. И именно здесь наибольший простор для фантазии. На самом деле поразительно: существа, ничего не боящиеся, абсолютно неуязвимые для нашего оружия, в течение недели совершенно безнаказанно сеявшие смерть среди людей, — внезапно исчезают. Более того, не исчезают, а бегут, бегут в панике.

Подчиняясь неведомому сигналу, поданному, возможно, одним из них, а возможно, группой, — с бешеной скоростью стекаются они к своему «кораблю», или «бочке», как ее стали называть с легкой руки одного из очевидцев, — и тают в воздухе, словно кошмарный мираж. В чем дело? Непонятно. Конечно, прекрасно, что они в конце концов убралась. Лучшего и желать невозможно. Но должны же мы понять, что повергло их в ужас?! Смеем ли мы облегченно вздохнуть и радоваться, коли не способны доискаться до причины их бегства? И если они появятся еще раз, смеем ли мы повторить «изгнание»?

Попробуем разобраться. Что может отвлечь охотника от охоты? Браконьера, очевидно, закон в лице облеченных властью представителей. Отпадает? Отпадает. Промысловика — отсутствие дичи. Тоже отпадает. Охотника-спортсмена — только зверь, против которого оружие бессильно и который угрожает его собственной жизни. Очевидно, и это в нашей ситуации — ложный ход. Пойдем далее. Что может встать на пути конквисты? Сила, и ничего, кроме силы. Видимо, здесь нам тоже до сути не добраться. Противопоставить что-нибудь весомое оружие пришельцев и их неуязвимости мы не смогли.

Наконец, чего может испугаться крестоносец? Нечистой силы? Наверяд ли. В его распоряжении мощный «арсенал» средств против нее, начиная от крестного знамения и ладанки с мощами и кончая святой водой или освященным самим папой распятием. Если все это не помогает, и дьявол продолжает строить козни, крестоносец — истинный крестоносец — испытывает лишь удивление, но не страх. Может, он способен удариться в панику, осознав, что гроб господний — фикция, что его нет и никогда не было? И это нереально. Такую мысль ему никто не внушит. Не найдя святыни в предполагаемом месте, он станет искать ее в другом, предавая огню и мечу все на своем пути.

Впрочем, не буду вас больше мучить догадками. Сразу перейду к предположению, которое, на мой взгляд, хоть как-то способно что-либо разъяснить, натолкнуть на мысль.

Сила, с которой мы столкнулись, — сила примитивная, это ясно. Так, может, в борьбе с ней надо было исходить от примитива? Сейчас, конечно, это все мысли «post factum», но кто даст гарантию, что в будущем подобная ситуация не повторится? Вот я и думаю, что могло бы явить пришельцам — всадникам — образ зла? Какие демоны живут в их мифологическом мире, и можем ли мы этих «демонов» представить их очам?

Или, например, тотем. Всякий знает, какое могущество было скрыто в тотеме для любого племени, исповедующего анимизм, и в равной степени всякий знает, сколь непобедим был враг этого племени, овладевший в бою сим священным тотемом!

Вот только знать бы, какие тотемы в ходу у наших недавних «гостей».

Конечно, между примитивными анимистами и крестоносцами — хотя бы в истории нашей Земли — большая дистанция, но зерно истины в моем допущении есть: ведь и крестоносец не поднял бы руку на священную хоругвь!

Конечно, я могу ошибаться. Даже наврное я ошибаюсь, ибо все время исхожу из сугубо земных представлений, стараюсь поместить чужаков в привычную систему координат. Это не только мой недостаток, это недостаток, от которого не избавиться никому из людей. И тем не менее я верю, что решение загадки всадников возможно, и я буду безмерно рад, если оно окажется найденным на одном из предложенных Комиссией путей.

ДОКУМЕНТ № ХСА(86)V (магнитофильм, приложение к № ХСА (86) I—IV)

ДАТА: 21 августа

Дженни Уотфолкс, шести лет, деревня Валлиги-Фетт

Ой, дяденьки, я ведь совсем-совсем не виновата. Ведь правда? Это он сам. Я вам все-все расскажу, только не ругайте меня. Я его даже и не прогоняла вовсе, я его и не видела раньше никогда. Я просто сидела в садике и рисовала. А па в город уехал. И ма с ним. Они оба уехали и сказали, чтобы я никуда не уходила, а рисовала. Я очень люблю рисовать. Мне па столик в садике сделал, зелененький, и стульчик маленький сделал, тоже зелененький, чтобы я рисовала. И вот я сидела и рисовала. А па сказал, что говорят, что происходит что-то экс... экр... э к т р и д и н а р н о е, и у нас радио не работает, и нужно выяснить, и чтобы я Бетти слушалась. А я Бетти не люблю. Она все время на кухне и со мной не играет. И я сидела и рисовала. Вдруг какой-то мистер на лошадке ка-ак выскочит из кустов возле меня. Он такой черный-черный был, и лошадка его тоже черная-пречерная. Только я ни капельки не испугалась. Я думала, он охотник, у нас много охотников вокруг. Он какую-то палку вместо ружья держал, я думала, он играет так, и так спокойно ему говорю: вы, что ли, понарошке охотитесь? Я говорю, у меня тоже ружье есть понарошечное, деревянное, мне его па сделал. А потом смотрю, он на меня вовсе и не глядит, смотрю, он на мой рисунок глядит, и даже палку свою опустил, а глаза у него такие большие-большие, будто он испугался чего. И даже задрожал, и лошадка его тоже задрожала, и как присядет на задние ноги, как замашет передними копытками в воздухе. И мистер в свисток засвистел. Очень громко, но тоненько-тоненько. Я подумала, что и не слышно ничего, только ушкам больно. А лошадка повернулась, и мистер быстро уехал. Правда-правда, я ничего не сделала, он сам уехал. Вы ведь не будете меня ругать? А потом я сама решила посмотреть, чего этот дядька так испугался. Посмотрела на свой рисунок — и мне даже самой страшно стало. Честное слово! Я там на большой бумажке Чуду-Юду нарисовала страшную, большую такую Чуду-Юду. Страшную-пре-страшную, прямо жуть: без носа, бородатую и на пяти ногах!..
